

Глава 34. Мастерская красного ферментированного тофу

Управляющий из резиденции Фэн приказал кучеру развернуть повозку и отвезти людей в указанное им место.

Провинциальные экзамены только что завершились, и всякому мало-мальски осведомлённому человеку в Сянпине было известно, что сейчас в городе находится сам ляочжоуский сюэчжэн — чиновник, с которым даже главе префектуры приходилось обходиться с подобающей учтивостью. Кучер, увидев показанный управляющим жетон, не посмел и слова вымолвить против и немедленно повиновался.

— Сюэчжэн? Опять сюэчжэн? Куда они нас везут? — в панике запричитала госпожа Чжао. Она привыкла самоутверждаться лишь за счёт домашних, а перед лицом настоящей власти тут же сникала.

Ду Юньцзин, оттолкнув Фубао, одним прыжком метнулся к выходу из повозки. Но стоило ему отдёрнуть занавеску, как слуги из резиденции Фэн преградили ему путь.

Увидев его разукрашенное синяками лицо, управляющий усмехнулся:

— Сюцай Ду, что это с вами стряслось? Жениху не пристало являться в таком непотребном виде.

Тот, вцепившись в раму повозки, замер в неудобной позе, не решаясь спрыгнуть. Сделав несколько судорожных вдохов, он заставил себя спросить, силясь придать голосу спокойствие:

— Экзамены окончены, мне пора возвращаться домой с семьёй. На каком основании сюэчжэн насильно удерживает меня?

Управляющий махнул рукой.

— Сюцай Ду, не зря наш господин считает вас недалёким. Такое благое дело, а вы его так очерняете. Господин беспокоится, что ваша семья бедна и может обидеть невесту, отчего и его лицо, как свата, пострадает. Посему он специально направил нас помочь вам сладить свадьбу, а уж потом вы вернётесь домой. Этого счастья многие и мольбами не добьются, а вы, вместо благодарности, говорите о каком-то «насильном удержании»?

Лицо Ду Юньцина почернело, а конечности неудержимо задрожали от гнева. Он надеялся оттянуть свадьбу, дожидаться, пока сюэчжэн забудет об этом деле, а затем найти предлог, чтобы избавиться от Ли Гуэр. Уезд Чжан так далеко от столицы префектуры, что при должной осторожности никакие слухи туда бы не дошли.

Кто бы мог подумать, что чиновник и впрямь решил перекрыть ему все пути к отступлению!

Ли Гуэр, съёжившаяся в углу повозки, услышав разговор снаружи, медленно опустила ресницы, и её ногти, впившиеся в ладони, постепенно разжались.

События, словно сорвавшиеся с цепи дикие кони, привели её к нынешнему положению, и она давно уже пожалела о содеянном. Однако тетива была спущена, и стреле не было возврата. Ей оставалось лишь упрямо двигаться по избранному пути.

Мать девушки умерла несколько лет назад. Когда отец женился снова, жизнь в родном доме стала невыносимой. Ли Гуэр не желала жить под гнётом невестки и мачехи, но и выходить замуж за простого деревенского мужика не хотела. Ей нужен был муж, который позволил бы ей расправить плечи и гордо смотреть на родственников.

И она положила глаз на своего двоюродного брата, Ду Юньцзина. Среди всех мужчин в её окружении второй кузен был наилучшей партией: семья его была зажиточной, а сам он с детства учился грамоте, числился среди первых учеников уездной школы и рано или поздно должен был получить учёную степень. Настоящий благородный господин.

Гуэр улучила момент, устроила дома скандал и, собрав узелок, сбежала в деревню семьи Ду.

Её дядя, Ду Баоцюань, был человеком мягкотелым и безвольным, а тётушка, госпожа Чжао, обожала лезть. Старший сын, Ду Юньху, и его жена, Вэй Люхуа, и вовсе не имели в доме никакого веса. Она давно всё это разузнала и без труда поселилась у родственников.

К несчастью, кузен почти всё время проводил в уездной школе, а в свои недолгие приезды в деревню не обращал на неё никакого внимания. Сколько бы планов ни строила девушка, под бдительным оком госпожи Чжао она ничего не могла предпринять.

Неотрывно наблюдая за Ду Юньцзином, она случайно обнаружила, что избранник её сердца, кажется, равнодушен к тому мужу-воспитаннику из дома вдовы Ли, Цю Хуаняню.

Ли Гуэр, ослеплённая ревностью, немедленно, приукрасив всё сочными подробностями, донесла об этом тётушке. Госпожа Чжао пришла в ярость и, чтобы выбить из головы сына дурные мысли, решила сосватать ему племянника жены главы клана — молодого гээр из лавки тофу в городке Цинфу. Эта новость так разозлила девушку, что она полночи ломала прутья циновки на своём кане.

К счастью, вскоре учитель Ду Юньцзина в уездной школе заметил его и вознамерился сделать своим зятем. У госпожи Чжао появился вариант получше, и она тут же, позабыв о прежних договорённостях, отказала молодому гээр из семьи Мэн, чем навлекла на себя гнев жены главы клана, Мэн Фуюэ.

Ли Гуэр временно вздохнула с облегчением, но в то же время осознала горькую правду: у неё не было ни красоты, чтобы привлечь Ду Юньцзина, ни богатого приданого, чтобы впечатлить госпожу Чжао. Если всё пойдёт своим чередом, её мечте выйти замуж за кузена не суждено будет сбыться.

Когда тот собрался в столицу префектуры на экзамены, ему потребовался сопровождающий на два месяца. Ли Гуэр поняла — это её единственный шанс. Увы, тётушка, зная о её лени и неумении вести хозяйство, и слышать не хотела о том, чтобы взять её с собой, выбрав вместо этого свою старшую невестку, Вэй Люхуа.

Девушка, столько сил потратившая на свои интриги, не могла так просто упустить эту возможность. Она решила пойти на риск. Она тайно связалась со своим названным братом из родной деревни и встретила с ним на укромной тропе в горах. От него она получила порошок, который незаметно вызывал у человека вялость и сонливость.

Она собиралась подсыпать его Ю-гээр, сыну Ду Юньху и Вэй Люхуа. Ли Гуэр знала, что Вэй Люхуа долго терпела притеснения в доме свекрови. Не будь её собственная семья так бедна, а муж — бесхребетным сыном, невестка давно бы устроила госпоже Чжао грандиозный скандал.

Вэй Люхуа души не чаяла в своём сыне. Если мальчик заболеет, она ни за что на свете не оставит его и не поедет в столицу префектуры. И тогда шанс Ли Гуэр настанет.

Она дождалась, пока Вэй Люхуа будет занята готовкой, и сумела незаметно подмешать порошок в грубую кукурузную кашу, которую ел Ю-гээр. Однако проходили дни, а с мальчиком ничего не случилось. Тайком подглядывая за ним через дверь, она с изумлением видела, что ребёнок, прежде болезненный и синюшный, становился всё белее и здоровее.

Не успела девушка разобраться, в чём дело, как раскрылась история о том, как госпожа Чжао пыталась продать Цю Хуаняня. Не в силах больше оставаться в деревне, тётушка решила уехать в столицу префектуры, забрав с собой всех, кроме семьи Ду Юньху. Желание Ли Гуэр исполнилось, и ей больше не нужно было строить козни против Ю-гээр.

Но ехать в такой большой компании было совсем не то, на что она рассчитывала. Хоть она и покинула деревню, но по-прежнему оставалась под неусыпным надзором госпожи Чжао, и возможности её были ограничены.

Тогда Ли Гуэр, недолго думая, снова обратилась к названному брату за другим порошком — возбуждающим. Говорили, что его очень любят гээр и женщины из уездных борделей, что действует он безотказно, да и стоит недёшево.

Она долго умасливала названного брата, клялась, что отблагодарит его, как только добьётся своего, и даже, пересилив стыд и отвращение, приласкалась к нему там же, на тропинке за деревней, прежде чем получила новый порошок. К этому моменту Ли Гуэр уже была одержима своей идеей и готова была идти до конца.

Опасаясь, что снотворный порошок, как и в случае с Ю-гээр, окажется недостаточно сильным, она за две недели до экзаменов начала понемногу подсыпать его в еду госпожи Чжао и её родни, чтобы в решающий момент ей никто не помешал.

Хотя она и старалась, чтобы Ду Юньцзин не пострадал, но, живя под одной крышей и питаясь из одного котла, избежать этого было трудно. Чтобы не вызывать подозрений, кузен и сама Ли Гуэр тоже получили свою долю снадобья. К счастью, дозы были невелики и не должны были помешать ему на экзаменах.

После второго тура экзаменов Ду Юньцзин вернулся в отличном настроении. Он рассказал, что вопросы ему попались те самые, которые он много раз разбирал в уездной школе, и что на этот раз он непременно окажется в числе первых.

Девушка, видя его редкое благодушие, почувствовала, как сладко замирает сердце. Она решила действовать в день оглашения результатов, прямо перед началом «Испытания ста вкусов».

Это был тщательно продуманный план. Во-первых, в этот день кузен, став сюцаем, будет на вершине счастья, как и вся его семья, и их снисходительность к ней достигнет предела. Если поставить их перед свершившимся фактом, то, скорее всего, её признают.

Во-вторых, выбрав время перед «Испытанием ста вкусов», она знала, что Ду Юньцзин будет торопиться и не задержится в комнате надолго, что даст ей возможность замести следы и подстроить всё в выгодном для себя свете.

В ночь перед оглашением результатов Ли Гуэр снова подсыпала снотворный порошок, на этот раз, для верности, увеличив дозу.

Однако, возможно, из-за накопившегося в организме действия снадобья, несмотря на то что она постаралась, чтобы они съели лишь малую часть отравленной пищи, в день оглашения результатов они проспали до полудня. А госпожу Чжао с семьёй в соседней комнате и вовсе было не пробудиться.

Проснувшись, Ду Юньцзин в ярости обругал Ли Гуэр и, спешно одевшись, помчался к экзаменационному двору смотреть списки.

Она, обиженная и напуганная, вдруг ощутила приступ дурного предчувствия. Но пути назад уже не было. Сглотнув, она взяла в руки заветный порошок, который так долго хранила при себе и за который заплатила столь высокую цену, и высыпала его в маленький кувшинчик с вином, что кузен купил на деньги, выпрошенные у матери.

Не прошло и получаса, как тот вернулся, кипя от злости. Девушка в испуге бросилась к нему, спрашивая о результатах. Он снова осыпал её насмешками, но всё же процедил сквозь зубы, что, разумеется, сдал.

К этому моменту образ благородного учёного в её глазах окончательно рассыпался в прах. Но она заплатила слишком много, чтобы отступить. Даже если нутро у Ду Юньцзина было скверным, он всё равно был образованным человеком с учёной степенью, а это во сто крат лучше любого деревенского мужика!

Стиснув зубы, Ли Гуэр, с лучезарной улыбкой на лице, невзирая на ругань и насмешки, подошла к нему с кувшином вина, предлагая отпраздновать получение степени. Навыки и опыт, полученные в общении с названным братом, пришлось здесь как нельзя кстати.

На узком, тёмном кане в пристройке, не успев даже порадоваться, что самый главный шаг её плана наконец-то сделан, она, сражённая действием двух порошков, провалилась в беспмятство.

Очнулась она, когда мир уже перевернулся, и грянула беда.

Под презрительными взглядами и перешёптываниями слуг, под брань и побои госпожи Чжао и Фубао, под безумным, полным жажды убийства взглядом Ду Юньцзина, Ли Гуэр постепенно осознала: она всё испортила.

Из-за подсыпанного ею снадобья тот проспал «Испытание ста вкусов» и навлёк на себя гнев ляочжоуского сюэчжэна. Тот, в присутствии всех чиновников и учёных Сянпина, назвал его «непригодным для великих дел» и запретил ему участвовать в следующих трёх экзаменах на степень цзюйжэня.

Её авантюра, казавшаяся почти стопроцентно успешной, обернулась самым страшным провалом. Слухи об их дневном распутстве разнеслись по всему городу, её репутация была уничтожена, а тётушка и кузен теперь ненавидели её и мечтали убить.

Она, стремившаяся возвыситься, строившая козни, порвавшая с семьёй, продавшая своё тело, не побоявшаяся травить трёхлетнего ребёнка — она, шаг за шагом шедшая к своей цели, в итоге оказалась у разбитого корыта.

Единственное, что ещё позволяло Ли Гуэр нагло цепляться за семью госпожи Чжао, — это то, что ляочжоуский сюэчжэн выступил их сватом. Что бы он там ни думал на самом деле, девушка запомнила лишь то, что он назвал её порядочной и велел Ду Юньцину жениться на ней и хорошо с ней обращаться.

Это была её последняя соломинка. Теперь она вцепится в него мёртвой хваткой и ни за что не отпустит, лишь бы не остаться на улице!

Услышав, что управляющий из резиденции Фэна собирается помочь устроить их свадьбу, Ли Гуэр, под убийственным взглядом госпожи Чжао, ещё ниже опустила голову, а уголки её губ медленно поползли вверх.

«У неё ещё есть надежда. Она ещё не проиграла!»

Цю Хуанянь и Чжу Цзинвэй обговорили все детали сотрудничества по мастерской красного ферментированного тофу, составили договор, и каждый, получив свою копию, отправился в управу для официального заверения и проставления печатей. Так было закреплено его доленое участие на основе рецепта.

Чжу Цзинчэн наблюдал за всем процессом, время от времени давая брату советы, а Ду Юньсэ молча, не сводя глаз, смотрел на Цю Хуаняня.

Старший молодой господин Чжу, хоть и не подавал виду, был поражён. Способности этого молодого мужа Ду Юньсэ далеко превзошли все его ожидания. Он полагал, что тот просто ловок в руках и сообразителен. Но когда дело дошло до обсуждения деталей договора, он увидел, насколько этот супруг нового юаньяншоу Сянпина был не по годам опытным и предусмотрительным. Юноша методично указал на все возможные риски и в нескольких словах убеждал собеседников принять его решения.

Такой стиль ведения дел никак не вязался с образом деревенского юноши, не достигшего и двадцати лет. Многие наследники крупных купеческих семей Сянпина, в которых вкладывали несметные средства на протяжении двадцати-тридцати лет, не могли с ним сравниться.

Поразмыслив, Чжу Цзинчэн пришёл к выводу, что некоторые люди просто рождаются с таким даром, будто всё знают от рождения. Увидев таланты юноши, он ещё больше укрепился в желании поддерживать хорошие отношения с Ду Юньсэ. Тот был словно дракон, которому тесно в пруду. То, что такой человек родился в Сянпине и на заре своего пути повстречался ему и его брату Цзинвэю, возможно, было удачей для их семьи Чжу.

В договоре, который они заключили, было прописано, что Цю Хуанянь входит в долю с рецептом и совместно с Чжу Цзинвэем открывает мастерскую красного ферментированного тофу, получая десять процентов чистой прибыли. Чжу Цзинвэй отвечал за помещение, закупку сырья, производство и продажу. После выплаты партнёру десяти лянов серебра в качестве залога, его доля составляла девяносто процентов. Договор заключался на пятнадцать лет, по истечении которых мастерская больше не должна была выплачивать Цю Хуаняню проценты.

Кроме того, в договоре были подробно расписаны решения на случай, если мастерская станет убыточной, если Чжу Цзинвэй будет плохо управлять делами, если возникнут проблемы с отчётностью или если рецепт окажется неполным. Всё это предложил юноша.

На самом деле, он вполне мог бы, пользуясь желанием братьев Чжу наладить с ним отношения, потребовать и большую долю прибыли, но решил придерживаться рыночной оценки, рассчитывая всё до последней мелочи. Прочные деловые отношения должны с самого начала строиться на сбалансированных интересах. Этот урок он усвоил за годы работы в отделе по связям с общественностью в крупной компании.

Чжу Цзинвэй, впервые занявшись серьёзным делом, был вне себя от радости. Он тут же захотел отправиться на поиски места для мастерской, нанять работников и немедленно запускать производство.

Его старший брат, видя такой энтузиазм, был очень доволен. Дав младшему несколько советов, он отпустил его, вооружённого схемой расположения мастерской, заниматься делами.

Братец Хуа же, довольный, с договором и десятью лянми серебра, вместе с Ду Юньсэ покинул книжную лавку и вышел на улицу.

— Продав рецепт красного тофу таким образом, я наконец-то спокоен, — легко шагая, говорил он.

Пусть десять процентов прибыли и кажутся малым, но ему не нужно было вкладывать ни первоначального капитала, ни усилий, ни заниматься продажами — только ждать поступления денег. И так целых пятнадцать лет. Общая сумма, вероятно, в сотни раз превысит первоначальную стоимость рецепта.

— С тех пор, как мы приехали в столицу префектуры, нас кормила семья Шу, так что мы почти не тратились. Крупных расходов был всего один с половиной лян за аренду дома. Если добавить плату за повозку и прочие мелочи, то в общей сложности ушло меньше двух с половиной лян серебра. Плюс эти десять, что я только что получил, и у нас дома уже двадцать три лян. Вернёмся — и можно строить дом.

При словах «строить дом» глаза юноши заблестели, и нежная улыбка озарила его лицо, заставив сердце Ду Юньсэ растаять. Цю Хуанянь поделился планом, который уже несчётное количество раз прокручивал в голове:

— Если уж строить, то строить хорошо. Денег у нас теперь хватает, можно всё сделать сразу и как следует. Дом из синего кирпича с черепичной крышей — это само собой. Наш двор маловат, и сада нет. Думаю, по возвращении выкупить половину большого сада у соседей за домом, засыпать землёй и там строиться. Спереди поставим три главных комнаты, боковые пристройки сделаем побольше, размером с две комнаты каждая. Нужны и восточный, и западный флигели. Когда Цзюцзю и Чуньшэн подрастут, у каждого будет своя комната. И ещё отдельная кухня, с переходом из боковой пристройки, чтобы в ветер и снег не мёрзнуть, когда готовишь.

Он подробно описывал свой будущий дом, уже не в силах дожидаться возвращения. Он слишком долго терпел эту ветхую соломенную хижину с наполовину обвалившимся каном! За несколько месяцев после перемещения он наконец-то своими руками заработал на новое жильё. Юноша верил, что их будущее будет только лучше.

Ду Юньсэ молча слушал, и перед его мысленным взором уже вставала картина: аккуратный дом из синего кирпича, просторный двор, плодовые деревья, огород, прекрасный юноша, маленькие дети... Его глаза наполнились улыбкой, и он незаметно взял супруга за руку. Тот

слегка дёрнулся, отвёл взгляд, но руку не отнял.

Ду Юньсэ горел желанием как можно скорее сдать экзамены, стать чиновником, чтобы обеспечить своего братца Хуа лучшим домом, лучшей одеждой и едой, чтобы на его лице всегда сияла такая же беззаботная и счастливая улыбка. Такой прекрасный маленький муж не должен был терпеть с ним лишения.

Держась за руки, Цю Хуанянь и Ду Юньсэ неспешно брели по направлению к резиденции Шу. После праздника Дуанью потеплело, небо было ясным, и лёгкий, чуть тёплый ветерок играл в волосах, создавая ощущение мирного и безмятежного течения времени.

Идя так, юноша вдруг рассмеялся.

— Что такое? — спросил его Ду Юньсэ.

— Ничего, просто хорошо.

Братец Хуа подумал о том, что в прошлой жизни он был так занят, что у него даже не было возможности найти себе партнёра и гулять с ним по улице, держась за руки. А в этой жизни, в древности, его мечта сбылась, да ещё и с таким безупречным человеком, как Ду Юньсэ — и красивым, и с прекрасным характером, и способным. От этой мысли ему стало и смешно, и немного тепло на душе. Он не стал ничего объяснять, а Ду Юньсэ и не настаивал. Тот догадывался, что супруг снова думает о чём-то своём, странном и забавном, и лишь крепче сжал его тонкую, мягкую руку.

Пройдя ещё немного, они оказались возле экзаменационного двора. Проходя мимо лавки, торгующей свечами и лампадами, Цю Хуанянь зорким глазом заметил знакомую фигуру. Он потянул спутника за рукав и прошептал:

— Почему госпожа Чжао всё ещё в городе? И кто этот человек рядом с ней?

Жизнь в столице префектуры была недешёвой. Экзамены закончились, вчера произошло столько неприятностей — разве не должны были они всей семьёй поскорее убраться подброду поздраву обратно в уезд Чжан?

Ду Юньсэ тоже не знал ответа. Испытывая стойкую неприязнь к этой вечно создающей проблемы семье, он потянул юношу в сторону.

— Давай посмотрим.

Госпожа Чжао и мужчина средних лет в шёлковой одежде не задержались в лавке надолго. Говорил в основном мужчина, а та с несчастным видом покорно стояла рядом и слушала. Заключив сделку, лавочник упаковал разом двадцать четыре красные свечи и протянул их покупательнице. Она помедлила, но под насмешливым взглядом мужчины дрожащей рукой достала три цзян серебра, отсчитала шестьдесят медных монет и с видом, близким к слезам, отдала их.

Когда они отошли, Цю Хуанянь и Ду Юньсэ вошли в лавку. Продавец, увидев двух молодых людей в новых, расшитых одеждах, тут же с улыбкой поспешил к ним навстречу.

— Что желают купить почтенные господа?

— Почём у вас свечи и масляные лампы? — не торопясь расспрашивать о госпоже Чжао, спросил юноша.

— Белые свечи — по двенадцать вэней за штуку, красные — по пятнадцать. Основания для ламп, в зависимости от материала и фасона, от двадцати вэней до одного лян. Масло — сто пятьдесят вэней за цзинь, а фитиль к нему — пять вэней за штуку.

Видя, что юноша молча кивает, тот добавил:

— Скажу вам по-честному, гээр, во всём Сянпине вы не найдёте цен справедливее. Пусть масло и фитили у нас чуть дороже, но за качество нужно платить. Масло у нас — отборное кунжутное, а не то, что коптит чёрным дымом. И фитили у нас с секретной добавкой, от них лампа горит куда ярче обычного. Многие учёные мужи специально к нам за маслом и фитилями приходят!

Лавочник не лгал. За то недолгое время, что Цю Хуанянь наблюдал за госпожой Чжао, он уже видел, как двое учёных заходили за покупками. В древности из-за дороговизны освещения многие бедные семьи не могли позволить себе свечи по вечерам. Если ночью возникала какая-то нужда, приходилось всё делать впотьмах.

Хорошо, если светила луна, а в безлунные ночи и в доме, и на улице царила кромешная тьма, и споткнуться было проще простого. Братец Хуа за эти месяцы в полной мере настрадался от этого. Теперь, когда у него появились деньги, он решил оборудовать новый дом масляными лампами, постепенно улучшая качество жизни. Масло и подставки для ламп было неудобно везти с собой, к тому же в уезде Чжан они должны были стоить дешевле. Он не спешил покупать их в столице префектуры, но вот особые фитили его заинтересовали.

Для прочих дел особая яркость не требовалась, но читать при тусклом свете было нельзя. Сейчас только началось лето, дни были длинными, а ночи короткими. Но когда наступит осень и зима, в здешних краях ночь будет длиться очень долго. Ду Юньсэ для учёбы придётся зажигать лампу, и, конечно, лучше, чтобы она горела ярко.

Юноша улыбнулся.

— Кунжутное масло можно купить где угодно, а вот таких особых фитилей я нигде не видел. Возьму-ка я парочку на пробу, и если понравятся, вернусь за добавкой.

— Отлично! Сколько вам, гээр?

— Заверните пока два. Не беспокойтесь, если товар хороший, я обязательно приду ещё.

Пока лавочник упаковывал фитили, Цю Хуанянь как бы невзначай спросил:

— Кстати, что это были за люди, которые только что вышли? Почему мужчина в шёлковых одеждах покупал свечи, а платила за них женщина в простом платье?

Их поведение и впрямь было странным, так что вопрос не вызвал подозрений. Тот, не задумываясь, ответил:

— Эх, гээр, вы не знаете. Тот мужчина — управляющий из резиденции сюэчжэна Фэна. Ему поручили устроить свадьбу сына той женщины, вот он и сопровождает её за покупками.

— Устроить свадьбу?

— Говорят, сам господин сюэчжэн велел. Кто ж знает, что там на самом деле!

На словах торговец был осторожен, но про себя дивился. По идее, если сюэчжэн лично распорядился помочь со свадьбой, значит, сын той женщины должен быть у него в большом почёте. Но управляющий из резиденции Фэна обращался с ней грубо, не только не заплатил ни гроша, но и намеренно заставлял её тратить больше.

Взять хотя бы эти красные свечи для брачной ночи. Судя по её одежде и тому, как она сокрушалась, расставаясь с деньгами, куда ей двадцать четыре штуки! Но управляющий настоял на таком количестве, твердя, что раз уж сам чиновник выступает сватом, то свадьба должна быть пышной. По мнению продавца, сын той женщины, скорее всего, чем-то прогневал господина Фэна. А если хозяин недоволен, слуги, естественно, будут всячески изводить провинившегося.

Юноша взял упакованные фитили, расплатился и вместе с Ду Юньсэ вышел из лавки. Только тогда он с удивлением произнёс:

— Я думал, господин Фэн сказал, что будет сватом, в сердцах, а он, оказывается, на следующий же день и вправду послал людей проследить за этим.

Ду Юньсэ ответил:

— Господин Фэн славится тем, что всегда доводит начатое до конца. Раз сказал, значит, должен увидеть результат. К тому же, он, видимо, искренне считает Ли Гуэр невиновной. Услышав, что та в слезах умоляла Ду Юньцзина жениться на ней, он и решил лично выступить сватом. Однако он слишком занят, чтобы лично следить за такими мелочами. Вероятно, он просто отдал распоряжение управляющему. А то, как тот издевается над госпожой Чжао, — это уже его собственная инициатива, после того как он услышал о случившемся на «Испытании ста вкусов».

Цю Хуанянь, вспомнив униженный вид той женщины, не смевшей и слова сказать в ответ, усмехнулся:

— В деревне Ду, пользуясь своим возрастом и достатком, она привыкла только других обижать. Теперь, оказавшись на их месте, интересно, задумается ли она о своих прошлых поступках?

— Если бы она была способна на размышления, то не дошла бы до такого. Это касается и её, и Ду Юньцзина, — холодно заметил Ду Юньсэ.

Сердце супруга было слишком добрым и мягким. Он всегда надеялся, что добро будет вознаграждено, а злодеи раскаются. Но Ду Юньсэ знал: если зло укоренилось в человеке, он уже не изменится. Проявишь легкомыслие — и он тут же воспользуется твоей слабостью. Впрочем, ему нравился братец Хуа таким, какой он есть, и он не хотел, чтобы тот менялся. Они — одно целое, и он будет его защищать.

Цю Хуанянь и Ду Юньсэ собирались уже было паковать вещи и возвращаться в уезд Чжан, но в тот же день после обеда получили приглашение от главы академии Цинфэн, Минь Тайкана. В письме приглашали завтра посетить академию, расположенную на горе Сюянь.

— А ты теперь знаменитость, приглашения так и сыплются, — рассмеялся юноша.

Кроме письма от Минь Тайкана, было и множество других. Все их учёный вежливо отклонил, но приглашением от главы самой известной в Ляочжоу академии пренебречь было нельзя.

— Чайная встреча в Сюянь. Приглашают талантливых людей Сянпина отведать нового красного чая Чжэншань Сяочжун. На таких встречах, наверное, не только чай пьют, но и об учёности рассуждают?

— Чаепитие — это лишь предлог. Цель главы академии, скорее всего, в том, чтобы пригласить учёных мужей для бесед и диспутов с учениками.

— Ну так поезжай. Задержимся ещё на денёк. Я как раз посмотрю, как у Чжу Цзинвэя дела с мастерской, — услышав, что речь пойдёт о Четверокнижии и Пятикнижии, юноша тут же потерял интерес. Непонятно, бесполезно, неинтересно.

Его спутник с улыбкой кивнул. Сейчас братец Хуа казался ему милым, как никогда. Тот, почувствовав взгляд, смущённо кашлянул.

— Пойду в главный двор, одолжу масляную лампу, вечером опробуем купленные сегодня фитили.

Он одолжил у тётушки Шу чёрную керамическую лампу. Вечером, опустив фитиль в масло и дождавшись, пока он пропитается, юноша поднёс огонь. Огонёк размером с горошину вспыхнул, озарив пространство вокруг.

— Кажется, и вправду ярче свечи. Юньсэ, как тебе?

— Ярче, чем большинство масляных ламп.

Цю Хуанянь взял книгу, поднёс к лампе и перевернул пару страниц. Буквы были видны отчётливо, глаза не напрягались.

— Завтра схожу в ту лавку и куплю ещё фитилей. Кто знает, когда в следующий раз будем в столице префектуры. Возьму сразу сотню.

На следующее утро Ду Юньсэ отправился в академию Цинфэн. Цю Хуанянь, от нечего делать, остался в резиденции Шу и вместе с Жутан играл в «колыбель для кошки». Он заметил, что уже несколько дней девочка ходит сама не своя. Супруги Шу были поглощены делами своей гостиницы, и на единственную дочь им порой не хватало внимания.

— Жутан, ты всё время сидишь дома. Почему не поиграешь с ровесниками? — спросил юноша, продолжая перебирать нити.

На переулке Тяньшуй жило несколько детей примерно её возраста.

— Раньше играла, но теперь не хочу.

На сердце у него что-то шевельнулось. Девочке в этом году исполнилось одиннадцать. Неужели и у детей в древности бывает переходный возраст? Он подумал о своих Цзюцзю и Чуньшэне. Какими они станут, когда подрастут? Цю Хуанянь пожалел, что в современности не читал книг по воспитанию детей. Сейчас он чувствовал себя заботливым, но неуверенным отцом.

— Жутан, тебе кто-то сказал что-то неприятное?

Она поджала губы. Верёвочка в её руках запуталась. Девочка сняла её с пальцев, бросила в сторону и замолчала. Юноша понял, что попал в точку.

— Если не хочешь говорить, не надо. Дядюшка лишь хочет сказать, что не стоит обращать внимание на тех, кто тебе не нравится. Главное, чтобы ты сама была счастлива.

Супруги Шу называли юношу и его спутника братьями, так что Жутан была на поколение младше. Хотя она и была старше Цзюцзю всего на пару лет, но Цю Хуанянь ей приходилось называть дядюшкой. Услышав его мягкий голос, она почувствовала, как покраснели глаза. Она быстро огляделась, убедилась, что тётушки Шу нет поблизости, и нерешительно произнесла:

— Дядюшка Хуа, я... я...

— М? — терпеливо ждал тот.

Жутан зажмурилась и выпалила:

— Можно я тебя кое о чём спрошу?

— Спрашивай что хочешь. А отвечать или нет — решать мне.

Прижав ладонь к подбородку, девочка уставилась на спутанную верёвку.

— Вот... вчерашние слова дядюшки Юньсэ... ты им правда веришь?

Цю Хуанянь удивлённо вскинул брови. Она поспешно добавила:

— Я не нарочно подслушивала! Все были в доме, и я услышала, как лекарь сказал, что для твоего лекарства нужен свежий ситник. В комнате было тесно, и я сама пошла его искать. Когда вернулась, все уже ушли. Я хотела войти и спросить, что случилось, но тут как раз услышала разговор старого господина Гу и дядюшки Юньсэ... Я никому не рассказала! Даже родителям.

Он не ожидал, что за дверью была ещё и маленькая свидетельница. Впрочем, его не слишком волновало, что она слышала. Было лишь немного неловко.

— Я знаю, что ты не нарочно, и не виню тебя. Главное, никому не рассказывай.

Жутан с облегчением вздохнула:

— Дядюшка Юньсэ сказал, что ему не нужны дети, он хочет лишь прожить с тобой всю жизнь... Но... все говорят, что он — это сама Звезда литературы, и в будущем станет большим чиновником. Да что там чиновником, в Сянпине у любого зажиточного человека целый гарем. Даже хозяин ювелирной лавки по соседству недавно взял себе новую наложницу. Дядюшка Хуа, ты правда веришь его словам?

Юноша молча выслушал её и тихо рассмеялся:

— Жутан, на самом деле ты хочешь спросить не о том, верю ли я твоему дядюшке Юньсэ. Ты сомневаешься, стоит ли верить кому-то другому. Это связано с твоими родителями?

Девочка, уставившись на носок своей туфельки, смущённо пробормотала:

— Я... я услышала твою тайну, теперь я расскажу тебе свою. Мы будем хранить их вместе!

Цю Хуанянь усмехнулся. Она всё же оставалась ребёнком.

— Хорошо, будем хранить их вместе.

Жутан снова убедилась, что матери нет поблизости, и тихо начала рассказ:

— Когда мама была беременна мной, их дело ещё не пошло в гору. Мама каждый деньот зари до зари вместе с отцом возила товары и надорвала здоровье. После моего рождения лекарь сказал, что она вряд ли сможет иметь ещё детей. Отец тогда на коленях клялся, что будет заботиться о нас, что у него никогда не будет другой. Об этом знают многие.

Цю Хуанянь нахмурился. Он и сам чувствовал, какая глубокая привязанность связывает супругов Шу. Почему Жутан вдруг заговорила об этом? Неужели Шу Хуацай втайне сделал что-то плохое?

— Жутан, ты... что-то узнала?

Девочка поспешно затрясла головой:

— Нет, но мой дедушка постоянно давит на отца. Недавно он даже приезжал сюда и устроил скандал. Отец отправил их обратно, но мама всё равно тайком плакала. А когда я её увидела, велела не говорить отцу.

— У твоего отца есть другие братья? — юноша с самого приезда недоумевал, почему в резиденции Шу живёт так мало людей.

— Есть. Мама говорит, что вся их семья — плохие люди. Когда-то они чуть не довели отца до смерти. Когда отец встретил маму и они вместе создали всё, что у нас есть, те снова прилипли к нам! Они хотят либо чтобы отец взял в наложницы дочь сестры моей тётки, либо чтобы он усыновил сына моего дяди. На самом деле им просто нужно достояние моих родителей!

Он вздохнул. В древности для девочки или гээр в такой ситуации не было простого решения.

— Я раньше дружила с Чжу Ся, дочерью хозяина ювелирной лавки. Недавно я узнала, что её отец взял новую наложницу, и мне стало так обидно. Её мама такая хорошая, но всё равно... Я пошла утешать Чжу Ся, а она мне сказала, что для богатого мужчины иметь несколько жён — это нормально. Что её мать — добродетельная женщина и не будет возражать, и ещё велела мне уговорить мою маму. Мол, у нас нет сына, и нас засмеют. Я больше не хочу с ней играть!

Рассказывая это, девочка так разозлилась, что её глаза покраснели. Цю Хуанянь протянул ей платок. Она вытерла глаза и смутилась. Эти слова она так долго держала в себе, а этому молодому дядюшке выложила всё как на духу. От него исходила какая-то удивительная сила, вызывающая доверие.

— Дядюшка Хуа, я... я правда неправа? — её сомнения понемногу вырывались наружу. Она просто не хотела, чтобы её мать страдала. Но почти все вокруг говорили, что то, чего она не принимала, на самом деле правильно. И это пугало её. Мягкая рука легла на её голову.

— То, что стало привычным, не обязательно правильно. Просто нужно время, чтобы это изменить. По-моему, твои мысли совершенно правильные. С кем пути расходятся, с теми не по пути. Не стоит обращать внимания на тех, чьи взгляды тебе чужды. А что до твоих родителей, верь в клятву своего отца и верь, что твоя мать сможет справиться с любым исходом. Если же всё равно беспокоишься, то старайся стать лучше сама. Даже женщина может многого добиться. Разве твоя мать и твои тётушки не живой тому пример?

Видя, что на душе у неё стало легче, юноша улыбнулся. Этот ответ был и для неё, и для него самого. Он верил в клятву своего спутника и верил, что сам сможет справиться с любым исходом. Только так он сможет и дальше идти по пути к своему счастью.

Ближе к обеду на пороге появился Чжу Цзинвэй с управляющим. С порога он торопливо заговорил:

— Братец Хуа, я уже всё устроил с мастерской. Пока ты ещё в городе, пойдём скорее посмотрим. Если что не так, сразу исправим!

Юноша не ожидал такой проворности.

— Уже всё готово?

Видя его недоверие, Чжу Цзинвэй загорелся азартом:

— Ты же мне всё нарисовал, что там сложного? Купить большой двор, закупить партию чанов, полок, бамбуковых циновок и расставить всё, как ты указал.

Управляющий Цзян Эр, стоявший рядом, с улыбкой добавил:

— Молодой господин вчера, вернувшись домой, тут же отправил людей закупать всё необходимое. А сегодня с утра лично проследил, чтобы слуги всё расставили. Я столько лет служу в семье Чжу, и впервые вижу, чтобы он с таким рвением брался за дело.

Тот, хоть и был рад похвале, скромно отмахнулся:

— Цзян Эр, ну что ты преувеличиваешь. Я просто указывал, где что не так.

Управляющий усмехнулся и обратился к юноше:

— Братец Хуа, не осудите. Я — управляющий из приданого госпожи. Когда она узнала, что молодой господин взялся за настоящее дело, она так обрадовалась! Госпожа поручила мне помогать ему с делами мастерской, так что нам с вами ещё не раз придётся иметь дело.

Цю Хуанянь с улыбкой кивнул, подумав, что в этом и заключается сила таких знатных семей. С опытным помощником можно не бояться, что Чжу Цзинвэй по неопытности наделает ошибок.

— Что ж, тогда пойдёмте посмотрим, как господин Цзинвэй лично руководил обустройством мастерской.

<http://bllate.org/book/15363/1412413>